

В палатке раздались тихие всхлипы — отчаяние запертого в клетке зверя, ненавидящего собственное бессилие. Мужчины, привыкшие проливать кровь и пот на полях сражений, тяжело опустились на колени, охваченные невыносимым чувством беспомощности.

Их генерал не должен был уходить вот так. Столь блистательный и талантливый человек не должен был угаснуть подобным образом. Но у них не было ни права, ни сил сказать ему: Генерал, вам нужно отдохнуть, оставьте всё это нам.

Чжан Хунху отказывался верить в происходящее. Его обычно невозмутимое лицо стало бледным, как у испуганного оленя. Он не мог представить себе жизни без генерала. Чжан Хунху был сиротой, чья жизнь напоминала серое, безликое полотно, лишённое будущего. Именно генерал протянул ему руку, вывел из беспросветной тьмы и наполнил его существование красками.

Генерал... мой генерал...

Выражение лица Чжан Хунху менялось несколько раз, пока наконец не застыло в мрачной решимости. Генерал был маяком его жизни, и он ни за что не позволит этому свету погаснуть.

Сяо Му не знал об этих терзаниях, зато никто лучше него не понимал состояния собственного тела. Еще до его прихода этот сосуд был почти истощен, и теперь Сяо Му лишь насильно продлевал срок его службы.

Юный император припомнил слова придворного лекаря и, стараясь улыбнуться как можно легче, произнес:

— Генерал, вы одержали великую победу. Я позволяю вам вернуться домой и как следует отдохнуть несколько дней.

Сяо Му покачал головой и положил свою бледную руку на ладонь императора.

— Ваше Величество, времени почти не осталось.

Времени не осталось у государства Хуа, и у меня его тоже почти нет.

Император понял недосказанность, и его горло сдавило спазмом. А когда он услышал, как генерал снова зашелся в приступе кашля, тот продолжил:

— Ваше Величество, мне нужна ваша помощь.

Император опустил голову, его плечи мелко дрожали, а руки сжались в кулаки. В конце концов, он с невыразимой болью выдохнул:

— Хорошо.

В какой-то момент императору показалось, что он стал убийцей, своими глазами наблюдающим, как их защитник шаг за шагом ступает в бездонную черную дыру.

В марте того же года государство Хуа одержало сокрушительную победу над государством Ло. Император был вне себя от радости и с почестями встретил генерала Юй Чэня. В то же самое время секретный отряд под предводительством настоящего генерала Юй Чэня, о чем никто не догадывался, покинул пределы Хуа.

В июне началось сражение, которое впоследствии станет легендой и предметом восхищения потомков.

Это была первая битва между богом войны государства Ло Бай Сюанькэ и защитником Хуа Юй Чэнем, а также крупнейшее столкновение двух стран.

Еще до начала боя в воздухе разлилось тяжелое, гнетущее напряжение. Армии разделяла лишь река, а в небе полоскались знамена разных цветов. Сяо Му впервые появился на передовой, глядя на вражеского генерала, который, сидя верхом, скалился в преувеличенно широкой улыбке.

Я так долго ждал этого дня, мой свет, Юй Чэнь.

Если я сокрушу тебя здесь, своими руками, и заставлю наблюдать, как рушится твое государство, сможешь ли ты по-прежнему сиять, как свет?

Бай Сюанькэ смотрел на Сяо Му, облаченного в тяжелые железные доспехи и скрывающего лицо за устрашающей маской. Его улыбка была настолько приторной, что вызывала физическое отвращение.

— Я — бог войны Бай Сюанькэ!

Его узкие глаза скользнули по фигуре противника. Под доспехами худощавый юноша казался выше и внушительнее, излучая надежность и силу.

Сяо Му, чье лицо скрывала маска, громко ответил:

— Я — защитник государства Хуа, генерал Юй Чэнь!

— В этой битве Хуа победит! — голос Сяо Му, прозвучавший из-под маски, обладал невероятной пробивной силой. Он медленно, но твердо поднял штандарт, взмахнул им и с силой вонзил в землю. Подул ветер, и алое полотнище затрепетало, подобно языкам пламени,

разжигая ярость в сердцах воинов Хуа.

Солдаты Хуа, чьи глаза напоминали взгляды изголодавшихся волков, в едином порыве взревели:

— Хуа победит!

— Хуа победит!

— Хуа победит!

Бесконечная, яростная мощь обрушилась на врага. Солдаты Ло, никогда не видевшие подобного, дрогнули еще до начала боя, а те, кому уже доводилось сражаться с Хуа, почувствовали, как холодеет внутри. Они никогда не видели такого государства — словно неумолимый древний зверь, оно с каждым днем становилось лишь страшнее.

Бай Сюанькэ прищурился и вызывающе направил свое копье на Сяо Му:

— Куда укажет копье, там ждет победа!

— Победа! Победа! — вторили ему солдаты Ло.

Битва началась. Два государства сцепились, словно два диких зверя. Это было первое прямое столкновение с богом войны Ло, и Сяо Му отчетливо ощущал, что этот человек обладает особой аурой, отличной от всех прочих полководцев. Должно быть, среди людей он действительно силен.

Сяо Му отбросил любые хитрости, отдавая приказы в режиме реального времени и перемещаясь вместе с войском.

Бай Сюанькэ на своем могучем коне во главе отряда прорывался через ряды врагов, неудержимый и весь залитый кровью — он сполна оправдывал свое прозвище. Несколько раз он пытался пробиться прямо к Сяо Му, но каждый раз натыкался на заранее подготовленный отпор. Казалось, каждое его движение и каждое намерение были просчитаны. Бог войны, привыкший к легкому успеху, впервые почувствовал себя связанным по рукам и ногам.

Это ощущение было пугающе новым. Сяо Му, отринувший всё лишнее и полагающийся лишь на тактику, казался монстром — монстром, способным заглянуть в душу каждому. Такие враги страшнее всего.

Глаза Бай Сюанькэ загорелись еще сильнее, он никогда не чувствовал себя настолько возбужденным. Да, это был Юй Чэнь, свет в его глазах!

Столкновение плоти и стали, брызги крови, фонтаны ярости — все это походило на эпическое полотно.

Хладнокровный юноша с копьем в руках произвел на Бай Сюанькэ неизгладимое впечатление, врезавшись в самую память.

Битва длилась бесконечно долго. С рассвета до заката, с заката до рассвета. Солдаты выбились из сил, и обе стороны, словно сговорившись, отступили для передышки перед новым столкновением.

Этот цикл повторялся долго, и война зашла в тупик. Хуа неведомым образом постоянно пополняло ряды своих солдат, и хотя их численность была меньше, армия Ло никак не могла одержать верх.

Однако никто не ожидал, что этот тупик будет разрушен так внезапно.

Бесконечные изматывающие сражения истощили Сяо Му до предела, и когда в него полетела отравленная стрела, он не успел уклониться. Острие пробило живот.

Острая боль пронзила тело, и Сяо Му покачнулся в седле.

— Генерал!

Бай Сюанькэ, заметив замешательство охраны, схватил свое копье и с силой вонзил его в левую сторону груди Сяо Му, прямо в сердце.

— Хлюп... — звук входящего в плоть оружия был отчетливым. Бай Сюанькэ тут же отступил, и солдаты Хуа не успели даже среагировать.

Тело Сяо Му рухнуло на землю, а из раны на груди хлынула кровь.

— Отступаем! — вице-генерал, сузив зрачки, отдал приказ и поспешил увести бесчувственного главнокомандующего с поля боя.

— Генерал! Давайте преследовать их! Разгромим Хуа одним ударом! — воины Ло, увидев ранение вражеского генерала, воспряли духом и рвались в бой.

Бай Сюанькэ нахмурился и поднял руку, останавливая вице-генерала:

— Не преследуйте отступающего врага.

На душе у него было странно. Он убил бесчисленное множество людей, но когда его оружие пронзило грудь Сяо Му, он испытал нечто чуждое.

Он пронзил его сердце, и с такой раной, даже при немедленной помощи, тот долго не проживет.

Бай Сюанькэ чувствовал досаду, смешанную с ощущением неизбежности, и не мог понять, что именно он испытывает.

Он сам погасил свой свет. Нет, это был не его свет. В этом мире вообще нет никакого света.

Свет Бай Сюанькэ погас еще пятнадцать лет назад.

Он завидовал жителям Хуа. Да, именно завидовал. Когда-то его собственное государство было так похоже на Хуа. Но они не дождались своего защитника и погибли в отчаянии. Ирония судьбы — Бай Сюанькэ стал богом войны того самого государства Ло, которое стерло его родину с лица земли.

Ненависть? Не совсем.

В глубине души он не чувствовал ничего, кроме скуки — невыносимой, всепоглощающей скуки. Пока не встретил Сяо Му, свет государства Хуа.

С того дня его сердце ожило. Острая, как нож, зависть жгла его каждую секунду. Почему в этом мире еще есть свет? Почему кто-то другой обладает этим светом?!

Почему он сам не видел света тогда? Почему свет не явился ему?

Нет, этот мир не заслуживает света. Поэтому он должен уничтожить то, чего не должно существовать.

Когда острие копья вошло в грудь света, Бай Сюанькэ думал, что почувствует радость или облегчение, но этого не случилось.

В его сердце словно образовалась дыра, сквозь которую задул ледяной ветер, причиняя нестерпимую боль.

После отступления армии Хуа поползли слухи о тяжелом ранении генерала Юй Чэня, а его отсутствие на поле боя лишь подтверждало их.

Разведчики один за другим докладывали об ухудшающемся состоянии генерала, пока в

последний раз не произнесли:

— Юй Чэнь мертв.

Государство Ло начало полномасштабное вторжение, а солдаты Хуа, словно стая волков, лишившаяся вожака, с кровавыми слезами бросились в безумную месть.

В это же время внимание принца государства Ло, Ло Лицзюэ, привлек стратег по имени Чжуан Вэньюй.

Однажды Ло Лицзюэ, переодевшись в богатого молодого человека, вышел из своей резиденции и, раздраженный, бродил по улицам. Устав, он зашел в первый попавшийся ресторан отдохнуть.

Там как раз группа ученых мужей обсуждала текущие политические события. Ло Лицзюэ с интересом прислушался. Ученые были дерзки в суждениях, не стеснясь в выражениях, и разговор зашел о недавней битве при Цигу.

— Это сражение было безупречным, каждое действие следовало за предыдущим — это чудо, которое невозможно повторить.

— На мой взгляд, будь у Хуа другой полководец, они бы не победили.

— Генерал Сюй Вэй был слишком самонадеян, он хотел славы и побоялся доложить о потерях, вот и попал в ловушку.

— Нет, вы ошибаетесь. Откуда вам знать, что у Хуа не было других планов?

— У них не могло быть планов, они были на грани истощения.

— Как только наш бог войны вступил в бой, Хуа начали отступать.

— Верно, победа великого Ло неизбежна.

Ученые рассуждали о небесах, географии и человеческой натуре, упражняясь в красноречии и восхваляя мощь Ло. Для Ло Лицзюэ это было до ужаса скучно — обычный фарс, где под маской интеллектуальной беседы люди пытались выставить напоказ свой талант и преданность в надежде на покровительство власть имущих.

Он перевел взгляд в сторону и увидел юношу за ширмой, который едва заметно покачал головой.

Одного взгляда хватило, чтобы Ло Лицзюэ не смог отвести глаз. В его душе само собой

всплыло слово: бесподобный.

Юноша напоминал картину, написанную тушью, или отшельника, воспевающего свои песни у воды. В каждом движении его глаз сквозила одухотворенность, от которой на душе становилось легко. Юноша не спеша пил чай, загадочный и элегантный, и хотелось разгадать каждую его тайну.

Ло Лицзюэ поспешно встал, подошел к нему и сел на соседний стул. Без приглашения налил себе чаю и, подняв чашку, обратился к юноше:

— Почему вы покачали головой, сударь? У вас иное мнение? — Ло Лицзюэ не мог дожидаться ответа.

Юноша не удивился наглости незнакомца, продолжая медленно пить чай. Лишь допив, он ответил:

— Какая разница, одинаковое оно или иное.

Голос его звучал как звон нефрита — приятный, он словно проникал в самую душу.

Сказав это, он отряхнул рукава и неспешно удалился.

Ло Лицзюэ смотрел ему вслед, пораженный. Он думал, что этот человек такой же искатель карьеры, как и остальные, но, когда он намекнул на свой высокий статус, юноша даже не обернулся.

Может, это игра? Ло Лицзюэ чувствовал, что этот человек не способен на подобные уловки.

Вскоре он пожалел, что не удержал его. Если он больше не встретит этого человека, то потеряет покой и сон.

Это была не только досада от упущенного таланта, но и нечто иное, необъяснимое.

Впечатление от той встречи было настолько глубоким, что с того дня образ юноши, пьющего чай, преследовал его повсюду. Он словно потерял рассудок.

Ло Лицзюэ днями бродил по улицам, особенно часто заглядывая в тот ресторан, но юноши нигде не было. Он начал худеть. И вот однажды, у маленького ларька с лапшой, он снова увидел его. Сердце принца радостно подпрыгнуло, на лице сама собой появилась широкая улыбка. Он подбежал и сел рядом:

— Сударь, мы снова встретились! Может, теперь вы назовете свое имя?

Юноша тяжело вздохнул:

— Ваше Высочество, я всего лишь простолюдин, не стоит тратить на меня время.

Ло Лицзюэ был удивлен, что его узнали, но в глубине души ожидал этого. Он стал еще почтительнее:

— Нет, вы стоите того.

Юноша, видя решимость принца, обреченно ответил:

— Меня зовут Чжуан Вэньйюй.

Вэньйюй... Вэньйюй... Ло Лицзюэ смаковал это имя.

— Благородный муж подобен нефриту. Прекрасное имя!

Чжуан Вэньйюй доел лапшу, встал и поклонился:

— Ваше Высочество, уже поздно, пора возвращаться. — И, не оглядываясь, ушел.

Ло Лицзюэ в отчаянии схватил его за руку, но тот ловко высвободился.

— Сударь, я умоляю вас помочь мне! — воскликнул принц, но Чжуан Вэньйюй, не сбавляя шага, словно не слышал его.

Ло Лицзюэ поспешил следом, пытаясь убедить юношу. У него было предчувствие: если он получит этого человека, то сможет легко завладеть тем, к чему стремится.

Чжуан Вэньйюй продолжал идти, игнорируя его. Когда он свернул в переулок, Ло Лицзюэ последовал за ним, но, завернув за угол, обнаружил, что тот исчез.

Ло Лицзюэ замер, его лицо помрачнело. В конце концов он произнес в пустоту:

— Проследили за Чжуан Вэньйюем?

Из тени возник страж и, опустившись на колени, ответил:

— Господин, Инь-два идет по его следу.

Ло Лицзюэ удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Получишь награду.

На его губах заиграла улыбка победителя: господин, рано или поздно вы станете моим.

На следующее утро Ло Лицзюэ встал спозарань, облачился в самые парадные одежды и, взяв с собой нефритовую ветку персика, отправился к дому Чжуан Вэньюя. Увидев жилище, о котором докладывал страж, он понял, что описание было еще мягким.

Место, где жил Чжуан Вэньюй, можно было назвать не просто скромным, а обветшалым. Хижина из соломы и глины выглядела жалко. Однако вокруг дома был небольшой заборчик, за которым виднелся крохотный огород. Овощей было мало, ровно столько, сколько нужно одному человеку. В этой простоте чувствовалась какая-то особая, неспешная гармония.

Чжуан Вэньюй как раз вышел, чтобы собрать фрукты на завтрак. Увидев Ло Лицзюэ, который, судя по всему, стоял там уже давно, он не выказал удивления. Оставаясь все таким же невозмутимым, он сорвал несколько плодов и вернулся в дом.

Ло Лицзюэ открыл рот:

— Сударь, я...

Чжуан Вэньюй, стоя в дверях, обернулся и слегка улыбнулся, и эта улыбка, подобно драгоценному камню, явила свой истинный блеск:

— Я знаю, зачем вы пришли, Ваше Высочество. Почему бы не войти и не выпить чаю в моем скромном жилище?

Ло Лицзюэ, чей орлиный взгляд был прикован к улыбке Чжуан Вэньюя, рассмеялся:

— Хорошо! Раз уж вы приглашаете, как я могу отказаться?

С какого-то дня враги третьего принца Ло Лицзюэ с удивлением обнаружили, что тому во всем сопутствует невероятная удача. Задания императора он выполнял безупречно, за что неоднократно получал похвалу, а его влияние при дворе росло, вплотную приближаясь к позициям наследного принца.

Партия наследника была встревожена. После нескольких поражений, нанесенных им Ло Лицзюэ, наследник впал в ярость и разбил в покоях всю фарфоровую посуду, заставив слуг дрожать от страха.

А когда Ло Лицзюэ в очередной раз блестяще справился с поручением и представил проект изменения русла рек, все были поражены. Этот план не только решал проблему засухи и наводнений, но и в разы повышал урожайность. Все, кто видел чертежи, преклонялись перед гением того, кто их составил.

И тогда перед всеми предстал Чжуан Вэньюй — тайный советник третьего принца. Выяснилось, что именно он все это время стоял в тени, подсказывая решения, и именно он был автором проекта. Никакой команды советников не существовало — Чжуан Вэньюй в одиночку совершил невозможное.

<http://bllate.org/book/22170/2309546>